

УДК 94(47).084.6

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-88-96

СИНОЛОГ В. П. ВАСИЛЬЕВ — СТАЖЕР РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ПЕКИНЕ¹

© **Дацышен Владимир Григорьевич**

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета,
Россия, 660041, Красноярск, пр-т Свободный, 82а
Красноярский государственный педагогический университет
Россия, 660049 Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89
E-mail: dazishen@mail.ru

В статье рассматривается пекинский этап научной биографии китаеведа В. П. Васильева в первой половине XX в. Десятилетний период стажировки в составе Российской духовной миссии стал тяжелым испытанием для молодого ученого. Несмотря на это, накопленный багаж знаний и огромные объемы собранного в китайской столице материала стали фундаментом успешной полувековой работы лидера российского китаеведения.

Ключевые слова: русское китаеведение; Российская духовная миссия в Пекине; В. П. Васильев.

SYNOLOGIST V. P. VASILIEV — THE PARTICIPATOR OF RUSSIAN ORTHODOX ECCLESIASTICAL MISSION IN BEIJING

Vladimir G. Datsyshen

Dr. Sci. (History), Prof.,
Head of General History Department, Siberian Federal University
82a Svobodny Ave., Krasnoyarsk 660041, Russia
Krasnoyarsk State Pedagogical University
89 Ady Lebedevoy St., Krasnoyarsk 660049, Russia
E-mail: dazishen@mail.ru

The article discusses the Beijing period in the academic biography of the sinologist V. P. Vasiliev in the first half of the 20th century. The ten-year internship as part of the Russian Orthodox Ecclesiastical Mission was a difficult test for the young scientist. Despite this, the accumulated knowledge and vast amount of material collected in the Chinese capital became the foundation for the successful half-century work of the leader of Russian China Studies.

Keywords: Russian Sinology; Russian Orthodox Ecclesiastical Mission in Beijing; V. P. Vasiliev.

Василий Павлович Васильев стал классиком российского востоковедения. В середине XIX в. он возглавил российское университетское китаеведение и был единственным русским китаистом-академиком. Известный петербургский кита-

¹ Проект РФФИ № 17-01-00209/17-ОГОН «Научное наследие российских востоковедов XIX века: О. М. Ковалевский и В. П. Васильев».

ист Г. Я. Смолин отмечал: «Василий Павлович — автор первой в отечественной китаистике докторской диссертации (защищена в 1864 г.), он был первым в России университетским профессором синологии (с 1851 г.), а затем (в 1886 г.) стал и первым академиком-китаеведом» [12, с. 329]. Автор обобщающей работы «История культуры Китая» М. Е. Кравцова справедливо утверждает: «Возникновение отечественной китаеведческой школы связано с именем академика Василия Павловича Васильева (1818–1900 гг.)» [3, с. 26].

Научная биография В. П. Васильева отразила переходный период в истории российского китаеведения. Если до середины XIX в. развитием этого научного направления занимались воспитанники Российской духовной миссии в Пекине, то в последующий период исследования в области китаеведения проводились преимущественно университетами. В. П. Васильев являлся воспитанником Казанского университета и основателем Петербургского университетского китаеведения, но в его научной биографии был десятилетний период обучения в Пекине в составе духовной миссии. Так, первый русский китаевед-профессор объединил две русских китаеведческих школы, традиции. Пекинский период был важным, если не основным в становлении В. П. Васильева как синолога.

Руководство Казанского университета в 1838 г. приняло решение «об отправлении в Пекин с будущей Духовною Миссиею трех воспитанников Казанского Университета, и именно кандидатура Васильева, для изучения языков Тибетского и Санскритского; Навроцкаго, для языков Монгольского, Манджурскаго и Тюркестанскаго, и Рушко, для языка Китайскаго, с тем, чтобы они по возвращении могли быть преподавателями тех языков в Университете»¹. Возникшая было проблема, когда министр иностранных дел разрешил отправить в Пекин лишь одного выпускника университета, не стала непреодолимым препятствием, так как именно В. П. Васильев был выбран для стажировки в Пекине.

В «Наставлении отправляющемуся в Пекин Г. Васильеву» говорилось: «1. Казанский университет, отправляя своего воспитанника, Г. Васильева, в Пекин... имеет ввиду со временем приобрести в нем отличного преподавателя географии, истории, религии и древностей народов, населяющих восточную полосу Азии...»². Современные исследователи пишут: «О. М. Ковалевским для него была составлена пространная программа научных занятий, ставившая перед молодым человеком широкий круг проблем, касающихся различных областей знания» [5, с. 87; 6, с. 132]. Согласно этой программе, главной целью будущего ученого являлось изучение тибетского языка и культуры Тибета. Кроме того, в «инструкции» говорилось «еще не все китайские летописи были рассмотрены ориенталистами, а тибетские и монгольские еще скрываются во мраке монастырей или коптеют в юртах номадических племен и ждут опытного европейского взора» [5, с. 87–88]. Особое место в наставлении для В. П. Васильева отводилось изучению китайского языка и китайской литературы.

В. П. Васильев был прикомандирован к XII Миссии. Перед этой миссией были поставлены важные научные и политические задачи, первоначально даже рас-

¹ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4814. Л. 11.

² Там же. Л. 24.

сма­тривался вариант назна­чения главой миссии светского чиновника Минис­тер­ства иностранных дел. Но в конечном итоге всех устроила предложенная гене­рал-губернатором М. М. Сперанским кандидатура отца Поликарпа (Тугаринова), уже имевшего опыт службы в предыдущей миссии.

В подготовленной в начале XX в. в Пекине «Краткой истории Русской право­славной миссии в Китае» говорилось: «С 1838 г. Министерство начало деятельно приготавливать все нужное к отправке Двенадцатой миссии. Вновь пересмотрены штаты, сделаны значительные прибавки в содержании: на лекарство для китайских пациентов, на учителей тибетского языка, на покупку книг... на годовое со­держание Миссии 17 750 р. Кроме того, в 1842 г. ассигновано на постройку библи­отеки в Пекине 13 500 р. Между тем о. Поликарп вторично поступил (в январе 1838 г.) в Духовную академию, где и нашел своих сотрудников — иеромонаха Иннокентия Немирова, Гурия Карпова, иеродиакона Палладия, студента Иосифа Гошкевича, Владимира Горского и Ивана Захарова. Гошкевич рекомендовал сво­его приятеля художника Корсалина... Сверх этих членов были приглашены двое посторонних: лекарь Александр Алексеевич Татаринов и прикомандированный к Миссии магистр Казанского университета Василий Павлович Васильев...» [1, с. 82–83].

Члены новой миссии, за исключением стажера В. П. Васильева, сначала были собраны в Петербурге для изучения языков. Учителями китайского и маньчжур­ского языков для них Азиатский департамент назначил о. Иакинфа (Бичурина) и С. Липовцова. В декабре ученики выдержали в присутствии ректора университе­та и других официальных лиц экзамены. В январе 1840 г. члены новой миссии собрались в Казани, где завершалось формирование миссии и где их ждал В. П. Васильев. В полном составе миссия (всего десять человек) выехала из Каза­ни на восток. В. П. Васильев писал об этом: «Наступил 1840-й год, и я отправлен был... в Китай. Заботливый университет не забыл щедро снабдить меня сред­ствами. Мне давалось на издержки по 700 р. сер. в год, из которых половину позволялось мне употреблять на плату учителям, а половину на приобретение книг» [10, с. 77].

Синологическая подготовка членов новой миссии качественно изменила ее состав. И. И. Серебренников в своем библиографическом очерке «Синологиче­ская деятельность Русской духовной миссии в Пекине» отмечал: «В противопо­ложность 11-й, из рядов следующей, двенадцатой, Миссии (1841–1850) вышло много выдающихся синологов. Это были иеромонахи: Гурий Карпов, Палладий Кафаров; студенты: И. Гошкевич, В. Горский, И. И. Захаров, лекарь А. А. Татари­нов. К миссии был прикомандирован... В. П. Васильев» [11, с. 38]. О своем пути через Сибирь В. П. Васильев писал попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину: «Честь имею донести Вашему Превосходительству, что по выезде моем 20-го января из Казани я вместе с прочими членами Мис­сии прибыл в Троицкосавск 2-го марта. Этот продолжительный путь доставил мне случай по возможности приобрести расположение начальника Миссии и сблизиться с моими будущими товарищами» [13, с. 471].

В. П. Васильев смог познакомиться с востоковедением в столице Восточной Сибири: «В Иркутск мы приехали 21 февраля и провели тут девять суток. Этим временем воспользовался я, [чтобы] осмотреть собрание монгольских и маньчжурских книг, хранящихся в библиотеках гимназии и семинарии, познакомиться с учителем монгольского языка [А. М. Орловым] в последней...» [13, с. 472; 8, с. 117–127]. О своем прибытии в Кяхту В. П. Васильев писал М. Н. Мусину-Пушкину: «я вместе с прочими членами Миссии прибыл в Троицкосавск 2-го марта... По прибытии в Троицкосавск я встретил обильную практику для разговорного монгольского языка в знакомстве с бурятами, которые беспрестанно ко мне приходят. Одного ламу пригласил я себе в учителя тибетского языка. Здешний учитель китайского языка г-н Крымский начал уже преподавание нам языка китайского» [13, с. 471–473].

Весной 1840 г. русский караван доставил членов XII Миссии к месту службы. В «Краткой истории Русской православной миссии в Китае» говорилось: «В. П. Васильев вместе с о. Гурием и о. Палладием поселился на северном дворе для удобства сношения с ламами соседнего тангутского капища, чтобы заниматься изучением монгольского и тибетского языков» [1, с. 82–83]. Составители цитируемой работы «тангутским капищем» назвали, очевидно, самый большой буддийский монастырь Пекина Юнхэгун, расположенный рядом с Северным подворьем Пекинской миссии.

В первом письме из Пекина, датированном 7 июня 1840 г., В. П. Васильев писал, как тяжело он пережил все трудности, связанные с прибытием в Китай. Он обращался своему учителю О. М. Ковалевскому: «К счастью, со мной уже совершился перелом; я бросил все жалобы, оставил всякий ропот на судьбу и на людей; решился покориться необходимости и теперь спокойно соображаю с обстоятельствами. Я понял свое положение и достиг этого тотчас, как только увидел себя принужденным отказаться от своих обширных желаний, признаться, что мои мечты слишком высоки для того, чтоб другие им не мешали, и, следовательно, неудобноисполнимы, что они противны какому-то порядку и лицам, которые составили другие планы и имеют надо мной всю власть. Что нужды в том, что теперь я вполне сделался рабом, когда одно желание свободы стоило мне стольких забот и страданий, за которые я расплатился расстройством здоровья и даже упадком умственных сил. Теперь я ремесленник или невольник науки и, узнавши свое значение, очень хорошо понимаю и роль, которую мне необходимо разыгрывать; я исполнил все, что мог в этом звании... Моя настоящая жизнь начнется только с отъездом старой [духовной] миссии; тогда я буду стараться сблизиться со всеми, меня окружающими...» [13, с. 475].

В. П. Васильев не был членом миссии, но, как писали исследователи, магистра Казанского университета «прикомандировали в полное послушание архимандриту» [6, с. 50]. В литературе существуют противоречивые оценки личности о. Поликарпа (Тугаринова). Исследователи уже давно отмечали: «Никому из Архимандритов Азиатский департамент не давал такого доверия и власти, а Поликарп все еще боялся, что у него ее отнимут, и на всяком шагу ее отыскивал. Будучи умным и нельзя сказать, что необразованным, человеком, не имея ни тени

монашеского ханжества, он тем не менее был несносен по своему взбалмошному, раздражительному характеру...» [6, с. 50]. В своем письме к О. М. Ковалевскому весной 1841 г. В. П. Васильев писал: «Вам, вероятно, будет интереснее услышать от меня о моих занятиях, ученых приобретениях, чем о низких обидах, которых, к несчастью, я не имею сил забыть. Скажу мимоходом, что учителей нанимаю не я, а о. Архимандрит. Он распоряжается [денежными] суммами... мои донесения теперь должны адресоваться... на имя начальника миссии, который будет делать на них свои замечания» [13, с. 117–127].

В начале XX в. исследователи, ссылаясь на письма В. П. Васильева, писали о противостоянии между архимандритом Поликарпом и монахом Гурием, указывая: «жертвой раздоров сделался, кажется, Корсалин, которого подучили Гурий и Гошкевич жаловаться, что его отравили Васильев в сообществе с Захаровым и Татаринов; из этого вышла, Бог знает, какая смута... кончилось тем, что выслали Корсалина из миссии...» [6, с. 50]. Николай [Адоратский] отмечал: «По отъезде прежней Миссии из Пекина жизнь нового состава Миссии потекла в обычных занятиях — главным образом языками, согласно намеченному ранее в министерстве плану. Архимандрит Поликарп... почти все время тратил на сношение с трибуналом, собиравание сведений о Китае, выборку из газет известий по политическим вопросам... Кроме того, им тщательно выполнялись всевозможные поручения Азиатского департамента и достигнуто многое в деле урегулирования сношений с Китаем. Посылка пакетов в Россию вместо прежних двух раз учащена до шести раз в год...» [1, с. 85].

В первое время В. П. Васильев встретился с большими трудностями. Об этом говорится и в его письмах. В 1841 г. он писал: «Отправляясь в Пекин, я мечтал, что со средствами, какие мне были предоставлены от Университета, я встречу тут неистощимый источник науки и от меня потребуются только охота ею заниматься. Признаюсь, охота ещё не исчезла, но пищи очень, очень мало, или почти совсем нет. Мне было прислали кое-какого учителя тибетского языка, да и он перестал ко мне ездить... он едва мог переводить легкую прозу. Теперь я занимаюсь один и, впрочем, думаю, что лексиконы для меня полезнее, чем прежний учитель...» [13, с. 478]. Ровно через три года, В. П. Васильев обращался к своему учителю в Казани: «Вся моя жизнь в Пекине есть только мертвая пустыня... Но, слава Богу, мало-помалу я начинаю привыкать к своему положению, хотя и не совсем мирюсь с ним... Я не успел еще сосредоточить свое внимание на каком-нибудь исключительном предмете. Не встречая ничего преимущественно интересного, я без разбора переходил от одного к другому, мешая трудные занятия китайским с более доступным мне тибетским языком, но не могу похвалиться, чтоб изучил хоть один из них обстоятельно. И как могло быть иначе, когда у меня нет до сих пор тибетского учителя, и когда простой солдат толкует мне живописный, удивительный язык...» [13, с. 480; 8, с. 117–127]. Отраженные в письмах из Пекина настроения и эмоции В. П. Васильева типичны для членов Российской духовной миссии, то же можно прочесть в письмах и воспоминаниях учеников предыдущих миссий в Пекине.

Несмотря на трудности, В. П. Васильев активно работал. Исследователь Т. В. Кузнецова пишет: «Благодаря отличной подготовке в монгольском и тибетском языках, а также солидному запасу сведений по буддизму, полученному при подготовке магистерской диссертации, В. П. Васильев в толковании текстов и понимании философских проблем заметно превосходил своих коллег по миссии, причем не только новичков, но и своего начальника архимандрита Поликарпа (П. А. Тугаринова), имевшего большой опыт в переводе буддийских сочинений с китайского языка» [5, с. 88]. При этом В. П. Васильев старался не выделяться среди членов миссии, и его карьерный рост, как и награды, ничем не превосходили таковых его «сослуживцев». В 1846 г. он, как и Татаринов, Гошкевич, Горский, Захаров, получил Орден Св. Станислава 3-й степени. В конце 1847 г. В. П. Васильев вместе с Татариновым и Гошкевичем были представлены к чину коллежского асессора.

Современные исследователи пишут: «В Пекине Васильев безвыездно прожил десять лет. За это время он изучил санскрит, китайский, тибетский и маньчжурский языки. Эти десять лет, проведенные в тяжелых трудах, были самыми сложными в жизни Васильева» [2, с. 133]. Действительно, на протяжении всего периода проживания в Пекине В. П. Васильева не оставляло желание быстрее вернуться на родину. Он, ссылаясь на болезненное состояние, ходатайствовал о досрочном возвращении в Россию, чем навлек гнев своих руководителей и учителей [9, с. 134–135].

За время стажировки в Пекине В. П. Васильев занимался не только изучением языков, но и исследовательской работой, в частности, переводил китайские произведения. В одном из писем в 1848 г. он сообщает О. М. Ковалевскому: «Я начал приводить в порядок свои выписки... но не смею наперед обещать Вам ни одного труда. Только известие, что г-н Жульен переводит “Сю-юй-цзи” заставило меня несколько призадуматься. Перевод составлен мной уже более трех лет тому назад, но мысль состязаться с уже прославившимся ориенталистом меня пугает» [13, с. 483]. В следующем письме он писал: «Могу лишь похвалиться тем, что чувствую в себе достаточно знаний, чтобы перевести легкие статьи с тибетского и китайского, а сколько еще теперь вертится в моей голове названий статей, которые были бы, может быть, не без интереса в переводе. Но, по несчастью, вот уж три года, как я копчу над одной дьявольской работой, которой еще не вижу конца и с окончанием которой еще, возможно, скажут, к чему она? Я думал, что убью немного времени сверх того, которое, признаться, не было слишком деятельно, но прошел год и работа медленно подвинулась вперед — отказаться от нее не было возможности, чтоб не пропало понапрасну время, которое было уже потрачено. Поверите ли, что когда я сижу только за одной терминологией, которую, как я думал, мог в силах объяснить, мне часто кажется, как будто тибетские и китайские книги кричат мне с упреком: зачем я им предпочёл скучный том!» [13, с. 486].

Исследователи отмечают, что в Пекине В. П. Васильев выполнял задачи приобретения книг для российских библиотек: «желая воспользоваться командировкой В. П. Васильева, Академия наук решила назначить его своим агентом-

корреспондентом как для приобретения книг на тибетском и монгольском языках, так и для исполнения других поручений по научной части. 5 ноября 1839 г. вскоре после того, как министерство народного просвещения сообщило о своем согласии с этим решением Академии наук, в Казань была отправлена инструкция, составленная Я. И. Шмидтом, а также каталог тибетских и монгольских сочинений, имеющихся в библиотеке академии, который должен был служить руководством при покупке книг в китайской столице [5, с. 87–88]. Но выполнить задание по приобретению книг было не просто. В. П. Васильев в своих письмах из Пекина писал: «Даже теперь нельзя отыскать те многие из тех книг, которые нам известны и Вами уже приобретены... На получение от китайского правительства Ганчжура и Данчжура нет никакой надежды... Теперь я мало-помалу закуплю китайский Ганчжур и Данчжур, который из какого-то дома распродан по частям, в разных лавках. Я уже успел набрать почти полтора тома...» [13, с. 478–481].

В. П. Васильев успешно справился с поставленными задачами. Он приобрел в Пекине огромные собрания книг на разных языках. Уже в 1848 г. он писал из Пекина: «Особенно из китайских книг у меня большая коллекция, и все важнейшие исторические сочинения, между которыми 100 томов (не книжек) занимают истории всех династий, мною закуплены. Я не упустил даже прозаических и поэтических китайских сочинений. Фоевские книги, т. е. китайский Ганчжур и Данчжур, тоже почти все 200 томов (китайский том равняется почти двум тибетским)... Маньчжурские книги собраны почти все, сколько их есть в печати и в рукописях» [13, с. 483].

По своей работе в этой части В. П. Васильев отмечал: «я мог сделать значительную экономию для университета, так что мною приобретено было книг почти на 5 000 р. сер. ... с вывозом всех купленных мною книг, в 1851 г. библиотека нашего университета не только сравнилась со всеми своими соперницами, но может быть превзошла их полнотой... Цель, которую я имел ввиду при приобретении книг, была та, чтобы сделать нашу библиотеку как можно полнее и снабдить ее материалами во всех родах литературы... в других библиотеках очень мало произведений китайских поэтов; нет собраний мелких статей изящной прозы; всего находится только по несколько романов и драм; даже отдел классической литературы не вполне снабжен произведениями китайских ученых; даосизм также почти исключен из других собраний... Я не мог почтись себя вправе исключить все это из своей библиотеки...» [10, с. 77–78]. В. П. Васильев покупал в Пекине книги не только на китайском и маньчжурском языках. Петербургский востоковед В. Л. Успенский пишет: «Во время своего десятилетнего пребывания в Пекине В. П. Васильев стремился приобрести там такие монгольские книги, которые не смог найти его учитель О. М. Ковалевский. Поэтому подавляющее большинство собранных им книг — как рукописей, так и ксилографов, уникальны или представляют большую редкость... главным успехом Васильева было приобретение части личной библиотеки маньчжурского принца Юньли» [10, с. 140]. Что касается тибетских книг, то сам В. П. Васильев в 1848 г. сообщает в письме из Пекина: «По части тибетских книг я не совсем счастлив, даже потому, что известно по каталогам. Но что

же мне делать; я заказывал купцам привезти из Лхассы большую коллекцию и возлагал на это все надежды, а они явились в нынешний год с байкой, свечами, но без книг. Впрочем, и теперь у меня уже больше книг, напечатанных в Амдо, Лхассе и Монголии, чем в пекинских типографиях, в которых в последнее время напечатана одна только “Пагма гатанг” на тибетском языке. Между прочим, есть и знаменитая синяя тетрадь “Дептер-нбоньбо”, но увы! Это только огромный перечень лам по разным школам в Тибете, для чего есть и другие источники (из нее-то помещен Вами в хрестоматию и отрывок о Ежо-Адише). Вообще же тибетских книг по части буддизма, истории его в Тибете весьма немало, только получения светских сочинений никак не могу добиться» [13, с. 483].

XII Российская духовная миссия не оставила значительного следа в истории собственно православной миссионерской деятельности. И. Коростовец писал: «При арх. Поликарпе не делалось особых попыток к умножению во что бы то ни стало числа христиан, чем и объясняется скромная цифра православной паствы (59 человек), переданной следующей миссии» [4, с. 72]. Русские священнослужители со своими китайскими помощниками лишь обеспечивали духовные потребности албазинской общины. Члены XII Миссии большого успеха добились при решении политических задач. В частности, миссионеры подготовили подписание Кульджинского договора 1851 г. Огромная нагрузка на русских миссионеров легла в связи с начавшейся на юге Первой опиумной войной.

В эти годы также продолжался процесс реформирования самой миссии. Так, «В 1844 г. началась официальная переписка о сокращении срока службы русских миссионеров в Китае. Дело велось с переменным успехом до 1846 г., когда и закончилось. Срок сокращен до пяти лет, хотя этим Двенадцатая миссия не воспользовалась» [1, с. 86]. В 1845 г. сам о. Поликарп просил Азиатский департамент освободить его с должности и отпустить в Россию, но МИД настояло на оставлении начальника миссии на своем посту. XII Российская духовная миссия выехала на родину летом 1850 г. Для подготовки следующей XIII миссии в 1847 г. из Пекина в Петербург был отозван лишь о. Палладий (Кафаров). В сентябре 1849 г. в Пекин на смену XII Миссии прибыл новый состав Российской духовной миссии во главе с земляком и «сослуживцем» В. П. Васильева архимандритом Палладием (Кафаровым). В конце 1850 г. стажер Пекинской миссии вернулся в Казань и сразу же приступил к работе в стенах родного университета. Полученная им в китайской столице китаеведческая подготовка позволила молодому ученому сразу же возглавить российское университетское китаеведение.

Пекинский этап становления В. П. Васильева как синолога был важнейшим в его научной карьере. Редактор журнала «Китайский Благовестник» Д. П. Пантелеев писал: «В архиве Академии наук находится “дело” № 77 с надписью “О Пекинской миссии и о путешествии кандидата Васильева”». Из него мало можно вынести впечатлений о действительном размахе работ В. П., начатых им в Пекине, и обилии вывезенных оттуда материалов. Они были громадны...» [7, с. 36].

Десятилетняя стажировка в Пекине позволила В. П. Васильеву полвека быть лидером российского китаеведения. Накопленный багаж знаний, огромные объемы собранного в китайской столице материала легли в основу его учебных и

научных публикаций. Показательно, но за последующие полвека В. П. Васильев больше не посещал Китая, если не считать поездки в приграничный район Синьцзяна, да и та была обусловлена семейными делами.

Литература

1. Бэй-гуань. Краткая история Российской духовной миссии в Китае / сост. Б. Г. Александров. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. 264 с.
2. Воробьева-Десятовская М. И. Академик В. П. Васильев об истории буддийской философии (тексты на тибетском и китайском языках) // Письменные памятники Востока. 2012. № 1. С. 133.
3. Кравцова М. Е. История культуры Китая. СПб.: Лань, 1999. 416 с.
4. Коростовец И. Русская духовная миссия в Пекине // Русский архив. 1893. № 9. С. 316.
5. Кузнецова Т. В. Предпосылки и пути проникновения русской книги в Китай (XVII-XIX вв.) // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. Хабаровск, 2000. № 3(8).
6. Материалы для истории Российской духовной миссии в Пекине / под ред. Н. И. Веселовского. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1905. Вып. I. С. 50.
7. Пантелеев Д. П. Материалы по истории Российской духовной миссии в Китае. Академик В. П. Васильев (1818–1900): к 120-летию со дня рождения «гениального исследователя» Дальнего Востока (окончание) // Китайский благовестник. 1938. № 10 (октябрь). С. 36.
8. Полянская О. Н. Письма В. П. Васильева профессору О. М. Ковалевскому // Вестник Бурятского государственного университета. 2000. Сер. 4. История. Вып. 3. С. 117–127.
9. Полянская О. Н. Переписка востоковедов О.М. Ковалевского и В.П. Васильева как источник по истории монголоведения // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. Вып. 7. С. 130–136.
10. Рукописи и ксилографы на восточных языках в Научной библиотеке им. М. Горького СПбГУ / под ред. В. Л. Успенского. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. 176 с.
11. Серебrenников И. И. Синологическая деятельность Русской духовной миссии в Пекине // Китайский Благовестник. 1941. № 4 (апрель). С. 26–40.
12. Смолин Г. Я. Академик В. П. Васильев как исследователь источниковедения истории Китая // Восток — Запад — Россия. Исторические и культурологические исследования: к 70-летию академика В. С. Мясникова. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 329–359.
13. Хохлов А. Н. Письма востоковеда В. П. Васильева из Пекина О. М. Ковалевскому (40-е гг. XIX в.) // Синологи мира к юбилею Станислава Кучеры. Собрание трудов. М., 2013. С. 469–492.